

УДК 341.4 / 316.4

Д. А. Коваль, канд. юрид. наук, доцент, докторант Польской академии наук
Национальный университет «Одесская юридическая академия»
Кафедра международного права и международных отношений
Фонтанская дорога, 23, Одесса, 65009, Украина

НЮРНБЕРГСКИЙ ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Статья посвящена постановке теоретической проблемы влияния международных уголовных судов на коллективную память. Осуществлена попытка осмысления наследия Нюрнбергского трибунала с точки зрения его влияния на коллективную память. Рассмотрены основные компоненты обозначенной проблемы: авторитетность, личность судей и прокуроров, символы в культуре, уровни донесения информации о практике и деятельности судов и т.д. В основу размышлений о коллективной памяти положены учения Мауриса Хальбвакса о коллективной памяти и Эрвинга Гофмана о фреймах.

Ключевые слова: коллективная память, международное уголовное право, Нюрнбергский процесс.

Постановка проблемы. Достаточно устоявшейся можно считать идею о влиянии международных уголовных судов на коллективную память различных социальных групп, населения государств и даже мировой общественности в целом. Эта идея широко эксплуатируется в выделившемся в 80-х в самостоятельное направление социо-юридических исследований (по количественному и институциональному критерию) – правосудие переходного периода (*transitional justice*); в юридической науке к идее коллективной памяти обращались Моше Хирш и Антонио Кассезе, комментируя влияние международных судов. Вместе с тем, такие обращения, как правило, носят, как сказал бы американский социолог Клифорд Гирц, характер *thin description* [1, с. 486]. Здесь попытаемся предложить собственное видение влияния Нюрнбергского военного трибунала на коллективную память на основе теории коллективной памяти Мауриса Хальбвакса и теории фреймов Эрвинга Гофмана (что будет обеспечивать в каком-то роде *thick* уровень описания проблемы), а также некоторые вариационные соображения по теме.

Анализ последних исследований и публикаций. Хотя тема коллективной памяти все чаще находит свое развертывание в юридических исследованиях, в украинской науке международного права она пока не нашла достаточного освещения. В зарубежной науке пионерами исследования международного права с точки зрения коллективной памяти были М. Хирш и А. Кассезе. Кроме них подобными исследованиями занимаются Б. Кхен, Дж. Савелсберг, С. Лэндсман, Д. Фразер.

Цель статьи состоит в рассмотрении наследия Нюрнбергского трибунала с точки зрения формирования им коллективной памяти.

Изложение основного материала. Маурис Хальбвакс был первым, кто ввел в широкий научный оборот термин «коллективная память». В его понимании, память формируется и воспроизводится в условиях взаимодействия с социумом. Индивидуальные воспоминания не связаны напрямую с прошлым, они динамично меняются под воздействием различных социальных факторов. Таким образом, отношение субъекта к определенному явлению различно и зависит от момента воспоминания и тех фреймов (рамок), сквозь которые явление оценивается (в своих работах Хальбвакс отмечает невозможность вспомнить что-то без размышления, пускай и самого короткого, об этом) [2]. Фрейм – тот термин, за который «цепляется» важная современная социологическая теория, а именно теория Эрвинга Гофмана о фреймах и восприятие действительности сквозь них. Фреймы для Гофмана – это принципы организации, которые предопределяют восприятия событий и наше субъективное вовлечение в них [3]. Восприятие через фрейм означает применение одной из двух процедур: подбор ключа (в англоязычной версии Гофмана более лаконично – *keying*), т.е. применение конвенции (рамки), которая установлена в одной сфере

социальной жизни, при разворачивании событий, действий в иной сфере; и фабрикации (*fabrication*) – использование разных рамок для себя и окружающих [3].

Применительно к формированию коллективной памяти международными уголовными судами, теория Хальбвакса важна по крайней мере в связи с двумя проблемами: 1) формирование коллективной памяти общества и преодоление негативной памяти и избирательного упущения воспоминаний (т.н. *selective omission*), а также 2) формирование коллективной памяти узкой профессиональной группы юристов, вовлекаемых в судебные и внесудебные процессы, связанные с применением и толкованием международного уголовного права, международного гуманитарного права и международного права прав человека.

Прежде чем приступить к формулированию каких бы то ни было мыслей по теме, важно отметить, что формирование коллективной памяти – это не тот процесс, где заранее и наверняка можно спрогнозировать то, как тот или иной аспект деятельности международного уголовного суда отложится в памяти социума. Хороший пример в подтверждение тезиса находим у Л. Дугласа в сборнике статей «Нюрнбергские трибуналы: международное уголовное право после 1945 года». Автор указывает на то, что для американского общества образ Нюрнбергского трибунала тесно увязан с фильмом Стэнли Крамера «Нюрнбергский процесс» (*“Judgement at Nuremberg”*), который, собственно, и не о Нюрнбергском трибунале как таковом (имеется ввиду, что он не о Международном военном трибунале) [4]. Фильм повлиял на коллективную память ничуть не меньше чем сам большой Нюрнбергский трибунал и даже подменил воспоминания о нем, чего не мог бы спрогнозировать ни один исследователь. Более свежий пример можно привести в связи с передачей Украиной двух ситуаций для расследования в Международный уголовный суд. Последний, благодаря некорректным упоминаниям в прессе, обозначается в новостных сводках и обсуждается в обществе как некий «Гаагский трибунал». Словосочетание «Гаагский трибунал», в свою очередь, ассоциируется прежде всего с МТБЮ. Таким образом, приписываемые МТБЮ промахи и предвзятость, влияют на восприятие потенциального следствия МУС по переданным ситуациям. В терминологии Дугласа невозможно контролировать путь, которым трибунал превратится в культурный артефакт [4]. Более того, коллективная память – аморфная субстанция, оценка которой сильно зависит от индикаторов, который выбирают для её исследования [4]. В этой связи не можем не вспомнить такое направление социологической теории, как символический интеракционизм (среди представителей которого и уже упомянутый Эрвинг Гофман, работы о фреймах которого должны восприниматься с учетом его воззрений на приписываемые значения явлениям и объектам), для которого важна не столько суть объекта или явления, сколько значения (*meanings*), которыми мы их наделяем. Таким образом, для оценки деятельности Нюрнбергского трибунала, с точки зрения формирования им позитивной коллективной памяти, важным есть не то, чем был Трибунал, а как он воспринимался и какими значениями обрстал.

Как представляется, влияние международных уголовных судов на коллективную память общества возможно на нескольких уровнях:

1. Уровень непосредственного влияния. Здесь важно то, какой месседж доносит тот либо иной международный суд непосредственно обществу.

2. Имплементационный уровень. На этом уровне идеи, установленные факты и выводы международных судов транслируются обществу посредством национальных правовых систем путем применения практики или ссылок на принципы, установленные международными судами. Так, процесс по делу Ейхмана, был политически важен для Бен-Гуриона, так как последний хотел пересказать историю Нюрнберга, чтобы представить преступления, за которые тот наказывал, не как преступления против человечности, но против еврейского народа [5]. Несколько искажающий характер имплементационной трансляции характерен, наверное, для любого случая влияния международных судов на коллективную память через национальные суды.

3. Символический уровень. Этот уровень представлен отпечатками, оставляемыми международными судами на массовой культуре, сфере образования, искусстве и т.д. Иными словами, международные уголовные суды влияют на коллективную память через представ-

ление их деятельности, достижений и проблем в музеях, школьных учебниках, исторических исследованиях, фильмах, моделирование (мутах) международных уголовных судов и т.д. Так, уже упомянутый фильм «Нюрнбергский процесс» хоть и подменил в массовом сознании понятие «Нюрнбергский трибунал», как справедливо отметил в своем комплексном исследовании фильма Д. Фразер, свел на уровень банальных преступлений рьяных последователей нацизма [6], все же содействовал укреплению в коллективной памяти ценности и миростроительную идею Трибунала (в том смысле, что трибунал был призван не только быстро наказать виновных, но и обеспечить основу мирного процесса возрождения Европы). В Берлине и Пномпене действуют музеи памяти, посвященные, среди прочего, деятельности международного и интернационализованного уголовных судов. В музеях представлены установленные судами факты, исследованные доказательства, основные идеи и принципы деятельности. На Балканах немецкой неправительственной организацией Kreisau Initiative реализуется проект Модель Международного уголовного суда для школ – Балканы. Этот проект состоит в моделировании уголовного процесса в МУС по фактическим данным, взятым из югославских войн 90-х годов XX века. Школьники стимулируются на основе собственных умозаключений делать выводы о наличии состава преступлений и юрисдикции у суда. Это, в свою очередь, влияет на их коллективную память об ужасах вооруженных конфликтов, сопровождавших распад Югославии.

Не символическим, по смыслу предложенной здесь таксономии, является влияние международных уголовных судов на коллективную память посредством масс-медиа. Мысль о влиянии на коллективную память напрямую не означает, что результаты оценки фактов и событий международными уголовными судами должны сообщаться лично судом (судьями?) обществу. Очевидно, что такое сообщение опосредовано специализированными социальными институтами, задачи которых состоят в сборе и подаче информации. Иная интерпретация прямого влияния международных уголовных судов на коллективную память могла бы довести до абсурда смысл, вкладываемый в это понятие. Так, непрямым, или символическим должны были бы признаваться сообщения об уголовных делах со стороны пресс-службы международных судов, или даже отдельных судей, ведь только суд как коллективный орган является творцом соответствующего решения.

Формирование коллективной памяти через СМИ имеет ряд важных особенностей. Во-первых, международные уголовные суды могут влиять на коллективную память журналистов, пишущих материалы, освещающие тот или иной процесс. Видимо отчасти этим объясняется интересная находка, сделанная Й. Савельсбергом о том, что увеличение количества негативных представлений в прессе деятельности С. Милошевича совпадает с началом его процесса в МТБЮ (а именно с представлением обвинительного заключения) [7]. До начала международного уголовного преследования, фигура С. Милошевича представлялась в прессе преимущественно нейтрально, или даже позитивно [7].

Изначально, основными источниками журналистов, влияющими на формирование имиджа С. Милошевича, были представители дипломатического корпуса [7], которые в силу специфики деятельности, не считают целесообразным, а иногда попросту не имеют права, остро-отрицательно высказываться по отношению к официальным лицам других государств. Во-вторых, материалы СМИ могут определять приписываемое значение (*meaning*) судебному процессу. То есть во многом от СМИ зависит, что конкретный процесс будет означать для той либо иной социальной группы.

Нюрнбергский трибунал попытался то, что было, возможно, интуитивно понятно в постконфликтных обществах после Второй мировой войны, но недостаточно четко и однозначно сформулировано, а именно, ужас, вызываемый анти-человеческими действиями немецких нацистов и несостоятельность ссылок на любой позитивный закон для их оправдания. Пользуясь предложенной Й. Савельсбергом и Р. Кингом терминологией, Нюрнбергский трибунал активировал коллективную память, институализировал её в праве.

Наверное, самой очевидной с точки зрения формирования коллективной памяти функций Нюрнбергского трибунала было сохранение для будущих поколений правдивой информации о преступлениях нацистов. С. Ландсман, характеризуя интенцию Ф. Рузвельта

при создании трибунала говорит о том, что для президента США Международный военный трибунал должен был стать хранителем истории (*bookkeeper of history*) [8]. Так, Трибунал расследуя преступления главных военных и политических лидеров европейских стран Оси на основании доказательств установил многие факты военной истории, которые на практически безальтернативной основе вошли в учебники истории и исторические монографии. Несмотря на это важное значение Трибунала для написания истории одного из самых ужасных десятилетий новейшей европейской истории, вряд ли можно говорить о сформированной заранее и навсегда модели или рамки восприятия истории нацизма. Нам видятся, по крайней мере, такие вопросы, которые должны освещаться в связи с упомянутым выше восприятием:

1. Возможно ли одновременное формирование негативного образа нацизма и его лидеров и критическое отношение к Нюрнбергскому трибуналу, его легитимности и юридической основе?

2. Насколько сильные атрибутивные связи в коллективной памяти устанавливает Трибунал между обвиненными лидерами и их политикой?

Ответы на оба вопроса далеко не однозначны и требуют детального исследования. В силу того, что формирование коллективной памяти обусловлено большим количеством факторов, зависит от приписываемых различными социальными группами значений, возможны разные соотношения между формируемым образом обвиняемых с одной стороны и отношением к международному уголовному суду и политике, проводимой обвиняемыми, с другой. Особое значение тут имеет описанная Г. Розенталь типичная реакция адресата информации на то, от кого она исходит. Так, реакция на вопрос от представителя группы, с которой респондент не отождествляет себя, часто бывает негативной [9]. Это искажает те ответы, которые он дает на вопросы. Аналогично, негативной будет и реакция на написанную отстраненным от конкретного общества международным уголовным судом историю. Даже при осознании преступности актов лидеров общества, их политика может восприниматься относительно позитивно, а деятельность международного суда негативно, только в силу того факта, что общество не идентифицирует себя с таким судом. Такое мнение не контрастирует с критикой Дюргеймовского восприятия уголовных судов и преувеличения им их миростроительной роли, которую подытожил М. Осиель, написав, что Дюркгейм сделал правильные, но слишком обобщенные выводы о деле Дрейфуса [10]. По мнению Осиеля, происходящее в судах возможно описать с помощью конструкта «дискурсивная солидарность»; последняя формируется между вовлеченными в процесс субъектами через предоставление им площадки для высказывания мнений и обсуждения, иными словами, практику коммуникативного действия по Хабермасу [10].

Подытоживая, отметим, что формирование в коллективной памяти негативного образа обвиненных Нюрнбергским трибуналом индивидов, не вызывает автоматического позитивного восприятия Трибунала и негативной оценки политики таких индивидов. Находясь в взаимоотношениях дискурсивной солидарности, социальные группы, Трибунал и обвиняемые не обязательно проникаются органической солидарностью, то есть не обязательно разделяют идеи и ценности друг друга. Иногда, наличие дискурсивной солидарности означает лишь то, что упомянутые авторы просто чувствуют себя причастными к одному действию. Это, тем не менее, не отменяет значение Трибунала в провоцирование осуждения политики лидеров и формирование позитивного отношения к себе, как институции приносящей мир и справедливость в постконфликтную страну. Улучшить восприятие месседжей Нюрнбергского трибунала и других международных судов могла бы быть максимальная аппроксимация таких судов к постконфликтным обществам.

Важным замечанием в продолжение этой дискуссии будет упоминание об упущениях воспоминаний, которые могут формироваться в коллективной памяти из-за наказания трибуналом конкретных лиц. Так, обвинение лидеров может создать иллюзию о виновности лишь нескольких лиц и непричастности остальных членов общества к совершению международных преступлений и содействию режиму. В свою очередь, активация международным уголовным судом мыслей о непричастности может привести к обще-

ственному осуждению лидеров с одновременным невосприятием критики их политики и деятельности международного суда.

Очевидным приобретением Нюрнбергского трибунала была демонстрация либеральной идеи о наказании с достоинством (с соблюдением правил уголовного процесса и хоть и минимальных, но все же гарантий прав обвиняемых) и осуждению войны как таковой [11]. Таким образом, коллективная память немцев не была дополнительно травмирована внеправовой расправой над теми, с кем они себя так или иначе отождествляли.

Деятельность Нюрнбергского трибунала повлияла на коллективную память на разных уровнях. Хальбвакс в своих статьях и монографиях указывал на то, что коллективная память присуща разным по объему социальным группам: семья, рабочий коллектив, жители одного региона, нация или даже все население планеты в равной мере могут выступать носителями такой памяти. Очевидно, что самое значительное влияние Нюрнбергский трибунал имел на немецкое общество. Вместе с тем, он влиял и на универсальную коллективную память по крайней мере в том, что касается преступлений против человечности [12], их запрета и наказания за совершение.

Одним из факторов восприятия деятельности Нюрнбергского трибунала, подсказанного Хальбваксом, есть вовлечение в социальную жизнь пост-нюрнбергского общества старших поколений немцев. Как замечательно констатирует французский социолог, «стариками не потому обращаются к прошлому, что в их возрасте на человека как-то наплывают воспоминания, но они чувствуют, что в обществе им не осталось ничего лучшего, чем воссоздавать прошлое» [2].

Можно сказать, что восприятие деятельности международных уголовных судов зависит, в том числе от вовлеченности людей старшего поколения в социальную жизнь. Иначе, время их молодости, без особой зависимости с тем, насколько действительно счастливым оно было, будет казаться лучшим, чем то, что установилось после деятельности судов из-за неспособности в старшем возрасте выполнять значимую социальную функцию. Непрямым подтверждением этого тезиса есть то, что с 1946 по 1950 годы уровень восприятия справедливости Нюрнбергского трибунала опустилась с 94 до 66 процентов [13].

Фоном этому была тягчайшая экономическая ситуация в первую пятилетку после Второй мировой войны [14] и потеря многими немцами возможности эффективно выполнять свои социальные функции. Уже в 1960-х, как считает К. Карстедт, основной посыл Нюрнбергского трибунала получает лучшее восприятие в обществе. Это проявляется, например, через публичный протест против назначения ангажированных при нацистском режиме служащих на посты в ФРН. В это же время появляется так называемая Коричневая книга с фамилиями тех, кто был причастен к режиму и все еще занимает определенные должности. Наверное, не будет ошибочным расширить мысль Хальбвакса и сказать, что не только старики, но и другие возрастные группы в обществе воспринимали бы международные уголовные суды лучше, будь они вовлечены в активную социальную жизнь со своей социальной функцией. Возможно именно в этом направлении пролегал связь между экономическим развитием и коллективной памятью, формируемой международными уголовными судами.

Судейский корпус Нюрнбергского трибунала, несмотря на то, что был составлен сплошь из представителей стран-победителей, наверное, был самым близким и понятным для общества лидером мнений по сравнению с судьями других международных уголовных судов. Пользуясь идеей Хальбвакса, можно сказать, что судьи Трибунала не были еще погружены в «сугубо искусственную среду, где реальные личности и чувства исчезают за условными формулами процессуально-документального языка» [2]. Из-за того, что они, судьи, не были на протяжении длительного времени погружены в бюрократическую систему международного правосудия, их способность к «моральной оценке деяний и поступков» [2], а, также, представлению юридической оценки таких деяний, не в сухих формулах мало употребимого вне профессиональной группы языка, а с использованием морально-этически окрашенных сентенций – безусловный плюс в плане восприятия обществом деятельности суда и формирования положительной коллективной памяти.

С другой стороны, как неоднократно подчеркивали многие социологи различных школ, такие как Дюркгейм, Хальбвакс, Гарфинкель, Гофман и др., суд влияет на общество (в т.ч. формируя его коллективную память) в силу ритуального характера своей работы. Особенное место судей в зале суда, их одеяние и одеяние представителей сторон, заранее определенный порядок выступлений и, наконец, язык, используемый сторонами и судом, создают атмосферу некоего таинства, происходящего в судебном зале. Таким образом, дистанция между судом и ежедневной жизнью с её невзгодами, служит в некоем роде гарантией доверия и фактором, делающим возможной институализацию коллективной памяти в праве.

Видимо, справедливым будет сказать, что для достижения максимального эффекта в смысле влияния на коллективную память, судебный процесс должен стремиться к аристотелевской середине, т.е. выделяться ритуально в повседневной жизни и, вместе с тем, не отрываться от неё.

С ритуализированностью международных уголовных судов связан вопрос конкретных физических лиц, которые олицетворяют суд для общества. Дж. Хаган обратил внимание на этот аспект деятельности Нюрнбергского трибунала и МТБЮ, подчеркнув, что с появлением глобальных новостных сетей, значение этого фактора стало еще более важным, чем раньше [10]. Таким образом, харизматичность прокурора (а именно он может быть олицетворением суда) в некоторой мере влияет на формирование коллективной памяти. Харизматичный прокурор воспринимается частью ритуала суда. В таком ракурсе харизматичность приобретает воистину веберовское значение для коллективной памяти постконфликтного общества.

Решения Нюрнбергского трибунала так или иначе формировали и продолжают формировать коллективную память юристов. Как указывал по этому поводу Маурис Хальбвакс, магистрам, «для уяснения смысла законов, приходится обращаться к его прежним толкованиям, то есть они апеллируют к своей памяти, ... они, сами того не сознавая, заключают свою мысль в формы, созданные в определенную эпоху и несущие на себе печать исторического времени» [2]. Даже без сознательного обращения пост-нюрнбергских поколений юристов к наследию Нюрнбергского трибунала, оно все же оказывает влияние на их восприятие права.

Сложно преуменьшить значение Трибунала для развития международного права и упомянутого выше формирования коллективной памяти юристов. Вместе с тем, в работах по международному праву, Нюрнбергский трибунал используется часто для отделения различных периодов развития наднациональной системы права. Переход между периодами изображается, как правило, с помощью революционной риторики, т.е. право и европейское общество после Нюрнберга представляются крайне (революционно) отличными от того, что было до него. Здесь интересной ремаркой будет ссылка на израильского социолога Ш. Эйзенштадта, который предостерегал от восприятия революций в духе романтизма с ориентацией не столько на реальные изменения и условия, в которых они происходили, сколько на революционную символику, подчеркивающую важность произошедшего [15]. В этой связи, хотели бы отметить важность представления влияния решений и деятельности Нюрнбергского трибунала на международное право и профессиональную коллективную память, как процесса, а не как одноактового действия. Именно поэтому, нельзя ожидать тотального изменения коллективной памяти после окончания того либо иного процесса. Изменения наступают планомерно.

Выводы. Вместо того, чтоб предложить обобщающие выводы, хотелось бы обратить внимание на то, что, по нашему мнению, является основным в работе. Это основное может в дальнейшем разворачиваться для более детального исследования вопроса. Пока же, данная статья является лишь попыткой опереть рассуждение о коллективной памяти, формируемой международными судами на социологическую теорию, незначительную эмпирику и теорию права. Итак, здесь мы:

1. Предложили рассматривать уровни влияния на коллективную память: непосредственное влияние, имплементационное влияние, символическое влияние.

2. Указали на недопустимость ожидания тотальной предсказуемости влияния международных судов на коллективную память.

3. Отметили, что приобретения Нюрнбергского трибунала и других международных судов должны осмысливаться через значения, приписываемые им обществом.

4. Предположили корреляционную взаимосвязь между формированием коллективной памяти, вовлеченностью в социальную жизнь и уровнем экономического развития.

5. Сформулировали сомнения в одновременном и неотвратимом формировании негативного образа осужденных с одной стороны, и позитивным образом Трибунала и негативным образом политики осужденных с другой.

Список литературы

1. Йоас Х. Социальная теория. Двадцать вводных лекций / Х. Йоас, В. Кнэбель. – Санкт-Петербург : Алетей, 2011. – 840 с.
2. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – Москва : Новое издательство, 2007. – 348 p.
3. Гофман И. Анализ фреймов : эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман. – Москва : Наука, 2004. – 752 с.
4. Douglas L. History and memory in the courtroom: reflections on the perpatrator trials / L. Douglas // The Nuremberg Trials: International Criminal Law Since 1945: 60th Anniversary International Conference. – Walter de Gruyter, 2006. – P. 320.
5. Osiel M. Mass atrocity, collective memory, and the law / M. Osiel. – Transaction Publishers, 1999. – 317 p.
6. Fraser D. Judging judgment at nuremberg: law, justice, and memory in hollywood / D. Fraser. – Vila Nova de Mil Fontes : 2004. – 21 p.
7. Savelsberg J. J. American memories: atrocities and the law / J. J. Savelsberg, R. D. King. – New York : Russell Sage Foundation, 2011. – 264 p.
8. Landsman S. Crimes of holocaust: the law confronts hard cases / S. Landsman. – Philadelphia : Univ. Penn. Press, 2005.
9. Sebald G. Theorizing social memories: concepts and contexts / G. Sebald, J. Wagle. – Taylor & Francis, 2015.
10. Savelsberg J. J. Law and collective memory / J. J. Savelsberg, R. D. King // Annual Review of Law and Social Science. – 2007. – Vol. 3, No. 1. – P. 189–211.
11. Brants C. Transitional justice: history-telling, collective memory, and the victim-witness / C. Brants, K. Klep // International Journal of Conflict and Violence. – 2013. – Vol. 7, No. 1. – P. 36–49.
12. Khen B. H. M. Silence at the nuremberg trials: the international military tribunal at nuremberg and sexual crimes against / B. H. M. Khen, A. Hagay-frey, I. January [et al.] // 2014. – Vol. 18. – P. 43–66.
13. Judt T. Postwar: a history of europe since 1945 / T. Judt. – Random House, 2011. – 960 p.
14. German economic miracle: the concise encyclopedia of economics | library of economics and liberty/.
15. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ / Ш. Эйзенштадт. – Москва : Аспент Пресс, 1999. – 416 с.

Статья поступила 25.03.2017 г.

Д. О. Коваль, канд. юрид. наук, доцент, докторант Польської академії наук
Національний університет «Одеська юридична академія»
Кафедра міжнародного права та міжнародних відносин
Фонтанська дорога, 23, Одеса, 65009, Україна

НЮРНБЕРЗЬКИЙ ВІЙСЬКОВИЙ ТРИБУНАЛ І КОЛЕКТИВНА ПAM'ЯТЬ: ТЕОРЕТИЧНИЙ ЕКСКУРС

Резюме

Стаття присвячена постановці теоретичної проблеми впливу міжнародних кримінальних судів на колективну пам'ять. Здійснено спробу осмислення спадщини Нюрнберзького трибуналу з точки зору його впливу на колективну пам'ять. Розглянуто основні компоненти означеної проблеми: авторитетність, особистість суддів і прокурорів, символи в культурі, рівні донесення інформації про практику і діяльності судів тощо. В основу роздумів про колективну пам'ять покладено вчення Мауріса Хальбвакса про колективну пам'ять та Ервінга Гофмана про фрейми.

Ключові слова: колективна пам'ять, міжнародне кримінальне право, Нюрнберзький процес.

D. O. Koval, PhD, Associate Professor, PhD student Polish Academy of Sciences
National University «Odessa Law Academy»
the Department of International Law and International Relations
Fontanska doroga, 23, Odessa, 65009, Ukraine

NUREMBERG MILITARY TRIBUNAL AND COLLECTIVE MEMORY: THEORETICAL INSIGHT

Summary

The article is devoted to the theoretical problem of the influence of international criminal courts on collective memory. An attempt was made to understand the legacy of the Nuremberg Tribunal in terms of its impact on collective memory. The main components of the indicated problem are considered: authoritativeness, personality of judges and prosecutors, symbols in culture, levels of influence of the practice of the courts on the societies etc. The reflections on collective memory are based on Maurice Halbwachs teachings on collective memory and Erving Hoffmann theory of frames.

Key words: collective memory, international criminal law, the Nuremberg trial.